

18+

КАТЕРИНА ШПИЛЛЕР

Про любовь одиноких женщин

Катерина Шпиллер

Про любовь одиноких женщин

«Издательские решения»

Шпиллер К.

Про любовь одиноких женщин / К. Шпиллер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510505-9

Две переплетенные истории любовных отношений глазами одной из них. Любовь вечная и гармоничная. И любовь, которая и что-то другое. Все неоднозначно в мире одиноких женщин. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-510505-9

© Шпиллер К.
© Издательские решения

Про любовь одиноких женщин

Катерина Шпиллер

Клуду Лелуши, любимому режиссеру, посвящается

© Катерина Шпиллер, 2020

ISBN 978-5-0051-0505-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Почему, почему мои полторы подруги хотят, чтобы я написала что-то о любви? Почему я произвожу на них впечатление того, кто это делает хорошо и красиво? Отчего в их головы пришла мысль, что я могу выступить спецом в жанре так называемого «женского романа»? Если от нечего делать я накропала сколько-то статей в бабском журнальчике на тему М/Ж, то это означает лишь, что я отлично умею компилировать всякую информацию из Интернета и владею словом. При чём тут аж целый роман да про любовь?

Неужели этого барахла не хватает в нынешних... хотела написать «книжных магазинах», сама себя тут же поправила – в нынешних «этих ваших интернетах»? Как было сказано у Жванецкого про инженеров в СССР? «Ха, мало у нас этого добра! – Ещё будет!»

Хотите женский роман? Окей. Не сердчайте, как получится. Если получится вообще что-нибудь...

Так-с, о чём или о ком писать – конкретно? Вопрос вопросов, потому что, с одной стороны, в голове теснится и пихается боками сто тысяч мыслей, идей и даже сюжетов. А, с другой стороны, нет ни грамма энергии на реализацию всего этого... Реализацию... Любопытно, что за этой канцелярщиной я невольно пытаюсь замаскировать?

Реализация – сесть крепко на пятую точку и начать писать, слово за словом, страницу за страницей, лист за листом. Это долго. Это нудно. Я уже продумала всю мысль от начала до конца, я её всю трижды с разных сторон обсосала, обкрутила, обкатала. Всё, на кой же чёрт мне тратить недели и месяцы, чтобы полностью раскрученную из спирали в прямую звонкую струну мысль заново скручивать и раскручивать – для читателей. Снова проходя уже пройденный путь, опять возвращаясь и бродя по собственным же следам. Это скучно. Лень. Да и дело неблагодарное, можно подумать, они, читатели, ждут-не дождутся.

Отсутствие энергии – сиречь лень? Кабы всё было так просто... Когда не взрывается внутри тебя какой-то хоть маленький, но везувий, который всенепременно требует донести твою мысль-идею до людей (ага, до миллионов – когда совсем на солнце перегреешься), то нет ни малейшего желания тратить время на печатание слов на белом вордовском экране. Ох, неужели у настоящих писателей эти везувии постоянно клокочат в башке? Счастливые. Или несчастные – с какой стороны взглянуть.

...Пытаюсь красиво и элегантно щелчком выбить из сигаретной пачки одну штуку. Фигушки! Вываливаются две и сразу на пол... М-да, а пепел я, как правило, «элегантно» смахиваю с одежды. Есть смысл учиться этой элегантности, когда тебе полтинник? По-моему, никакого. Есть смысл пытаться разжигать в себе везувии, чтобы писать? Не знаю. Потому что я и хочу этого, и не хочу. Одновременно. Не хочу, потому что лень, а хочу, потому что всё-таки надо хоть как-то оправдать своё бездарное существование на этом свете.

Мне категорически сказали: пиши, дура! Ты можешь, у тебя получится. Ну, написала я рассказик один... мрачный и страшный. Там все умерли, причём, мучительно и последовательно, друг за другом. Без никакого смысла рассказик, просто зарисовка: как в одной странной семье все последовательно умирали. Дала почитать народу, народ пришёл в ужас. «Зачем

ты это написала? Про кого ты это написала? Как можно это читать? Как можно такое писать?» Я спросила у народа: «Вы мне конкретно скажите, люди: это хорошо написано?» – «Отлично! Именно поэтому читать невозможно». Логично, да.

Мне сказали: пиши о любви, ты сможешь. О любви? Я? Конечно, смогу. Я знаю, что такое любовь. Знаю про неё так же хорошо, как и про одиночество.

Ладно, детки, садитесь поближе, я расскажу вам... нет, не сказку – быль. Настоящую историю про настоящую любовь. Про Лиду и Аркадия...

«Они встретились, когда ей было тридцать, а ему пятьдесят пять. То была середина 90-х, сумасшедшее, страшное, счастливое, дурацкое, полное надежд, абсолютно фантазмагорическое время... Делались состояния, терялось всё, одни взлетали, другие срывались в бездну, третьих убивали, четвёртые медленно и уверенно взбирались на самую крутую гору, чтобы в недалёком будущем стать олигархом или политиком самого высокого пошиба.

Такое было время, подобного которому, возможно, уже никогда не будет никогда в разваливающейся стране. В своём роде оно было уникальным и неповторимым – и в хорошем, и в плохом смысле. Период безумных контрастов, разбросов от и до, взаимоисключающих социальных проявлений, дурацкой политики и полукриминальной экономики. И мы в этом жили... не только выживали – это неправда! Жили, любили, создавали семьи, рожали детей – кружась вместе со всем творящимся вокруг безумием в отчаянном вальсе над пропастью, в красивых костюмах и платьях, но по колено в грязи, надушившись французским парфюмом, но всё время морщась от царствующего в воздухе запаха навоза и крови.

При этом огромное количество людей жило себе и жило, не особенно замечая происходящих вокруг страстей и безумств, а, точнее, не обращая на них внимания, проходя аккуратно по касательной ко всякого рода завихрениям и взрывам, лишь изредка отряхиваясь от насевших на плечи и рукава пепла и осколков. Даже в столицах встречались подобные обыватели – и вовсе не в среде маргиналов и бедняков. Напротив...

Лида работала профессиональным переводчиком с французского. Сначала она трудилась в фармацевтической кампании, а потом вдруг обнаружила у себя способности к переводу художественной литературы: в Интернете ей попался один симпатичный рассказ современного парижского писателя, и ей так захотелось поделиться удовольствием от прочтения с близкими и подругами, что она буквально за вечер сделала черновой перевод, а за последующие пару дней литературно отредактировала и привела текст в полный порядок – в настолько полный, что сама удивилась и порадовалась своей способности «вязать» слова, легко находить метафоры, гиперболы, синонимы, омонимы и вообще вполне непринуждённо обращаться с великим и могучим. В карман за словом или выражением лезть ни разу не пришлось. Всё-таки не напрасно она всегда была сумасшедшей читательницей и не мыслила себе жизни без «почитать на ночь, почитать за обедом, почитать (пардон) в туалете и в ванне». 90-е – допланшетное и добукридерское время, читалось по-старинке – покупались отпечатанные в типографии книги. Читалось новое и перечитывалось старое, второе даже чаще. Лида читала новинки – романы, детективы, перечитывала классику – особенно Гоголя и Гончарова: любила она этих авторов, целые куски из их романов знала почти наизусть. Перечитывать нравилось больше, чем читать свеженькое, за что она себя нередко корила, но тут же и оправдывала: мол, ей уже тридцатник, вся основная и главная литература прочитана, можно и повторить некоторые удовольствия – новых шедевров всё равно не видать.

И вот совсем маленький новый шедевр заставил проявиться Лидиным доселе скрытым способностям к литературному творчеству. Выявил – прежде всего для неё самой – хороший слог, чувство языка и одновременно бережное отношение к языку оригинала.

Это и отметил главный редактор издательства, куда её скоренько «сосватала» подруга, прочитав перевод шедеврика. В повышении доходов Лида не нуждалась: её зарплата в кампании была весьма приличной, она жила одна в неплохой квартире в новом зелёном районе,

ей хватало на все её прихоти, такие как бассейн три раза в неделю, еженедельный шопинг «по булавкам и бельишку»... На театр и кино, на поездки раз в год за границу – исключительно в Европу, морской восток её не привлекал, ей были интересны гуляния по европейским улочкам и музеям. Даже в одиночестве...

Одиночество...»

Я ли не знаю всё про любовь и одиночество? Тогда кто... В моей жизни было достаточно и даже слишком много и того, и другого.

Если говорить о любви, то я имею в виду любовь к мужчине, вернее, так сложилось, – к мужчинам. Что же касается какой-то другой любви... Вот не могу сказать что была избалованной ею в детстве, в родительском доме. Вот уж нет...

Нас было трое у маменьки. Я была средней, девочка между двумя парнями. Говорят, это известная штука: средние дети, которые между первым и третьим ребенком, – самые несчастливые, потому что самые нелюбимые. Слышала и читала про это не раз и всякий раз удивлялась, до чего верно и насколько все люди неоригинальны в своей паршивости.

Я не была первенцем – этим удивительным чудом для молодых родителей, самым большим страхом, самым захватывающим приключением и самым огромным открытием в жизни, серьёзным пропуском во взрослый мир, где всё уже по-настоящему, без скидок и сюсюканья. Я не была последним долгожданным или неожиданным счастьем, которого уже и быть не должно, а оно вдруг случилось. Конечно, бывает, что сия нечаянная радость – вовсе и не радость, а наоборот – обуза, неожиданно свалившаяся неприятность. В таких случаях взрослые люди просто избавляются от напасти без особенных страданий и угрызений совести, но если уже идут на поздний заход, значит, рады, значит, всё-таки считают случившееся чем-то хорошим.

А я получилась случайно и совсем неожиданно, более того – страшно не вовремя: через два года после старшего брата и аж за десять лет до младшего.

Как признавалась не раз маменька, она просто прошляпила все сроки со мной. Старший брат много и тяжело болел, маменька моталась с ним по больницам и элементарно не заметила, что у нее вдруг совсем и окончательно заглохли все женские дела. И сроки для аборта тоже пропустила. Так я и появилась на свет...

Да к тому же девочка. Моя маменька баб терпеть не может, для неё на этом свете существуют лишь мужчины, а все прочие женщины – стервы, дуры и конкурентки. У неё даже подруг почти не было никогда, лишь парочка таких же женоненавистниц, как она сама. И вся их дружба – это бесконечные сплетни про других женщин. Особенно про красивых и успешных – в отличие от них.

Ну, да ладно, родилась и родилась. Папа меня, вроде, любил когда-то, но маменька ему, видимо, быстро объяснила, что к чему, кого надо любить, а кого ни-ни... И он себе больше ничего такого не позволял: ни ласк, ни поцелуев, ни игр со мной... Сколько себя помню с раннего детства, столько я была одна. Сама себя развлекала, сама себе пела песенки, сама придумывала сказки. Спасибо ещё, что был детский сад, куда меня отдали сразу после яслей. Ясли не помню... Детский сад был спасением для меня в смысле общения. А ещё именно там я поняла, что общение мне нужно очень даже дозировано: я полюбила быть одна – именно для того, чтобы самой сочинять себе сказки и петь песенки исключительно соло для одного слушателя – для себя.

Я с малолетства знала, что глупа и некрасива. По сравнению с прекрасным во всех отношениях старшим братом. Что ж, я приняла это как факт и не пыталась даже рыпаться, чтобы что-то изменить или доказать. Я просто присутствовала при развитии и росте гения всех времён и народов, удивительного красавца и умницы – моего брата.

Потом родился малыш... Мальчик. И он стал звездой номер два в нашей семье. А я ему молчаливой нянькой. Ой, я что – жалуясь? Да упаси бог! Это было так давно и таким быльём поросло, что нынче об этом вспоминается с олимпийским спокойствием и с изрядной долей

иронии. Где эти два гения – мои братья? Один сторожит автостоянку, другой допился до психушки. Родителей уж нет как десять лет – они последовательно ушли друг за другом в течение пары годочков, не выдержав позора и мучений из-за своих гениев-ангелов. Да ну, какие обиды? Все получили по заслугам и поделом, изредка такое случается, судьба раскидывает карты по своему настроению и складывает собственные пасьянсы. Вот уж не думаю, что она размышляла о том, как отомстить за меня, обиженную. Это было бы смешно!

Ну, вот как писать историю о чьей-то любви, если в башку тут же лезет собственное, невыговоренное, утрамбованное в извилины, как мусорный компост! Начинаю писать, а через пять минут уже «нахожу себя» с сигаретой во рту, задумчиво разглядывающей потолок с пятирожковой люстрой и погруженной в собственные воспоминания. Мысли-воспоминания, которые будто бы делают мои попытки писательства легитимными, имеющими право на существование: мол, я пережила, я знаю, я видела, я испытала. А кто, скажите на милость, из взрослых людей не пережил хоть чего-нибудь эдакого, что сделало его знающим жизнь мудрецом? Хм, мудрецом ли... Иные и переживут не меньше, чем Фёдор Михайлович, а сказать им всё равно нечего, не о чем: глупые, необучаемые, не умеющие анализировать и делать выводы. На их головы хоть всю мудрость человечества обрушь – напрасный труд получится, кроме шишек на черепушке никакого видимого эффекта. Не приспособлены. Если бы злой рок впихнул бы в жизни таких людей все шекспировские трагедии разом, на выходе всё равно мы получили бы то же самое «беее! меее!», что и в их повседневной серенькой по цвету жизни.

Зато у другого ого какое воображение, и переживать ничего ему самому не надо, всё себе представит и напишет так, что мир будет рыдать и с уважительным восхищением смотреть на человечество, которому довелось испытать столько и столько осмыслить... А на самом деле лишь второе: осмыслил, да. Но ни фи́га не испытал. Чисто умозрительно. Но то он ум и талантище.

Впрочем, казалось бы, к пятидесяти годам у любого сапиенса, ежели он не умственно-отсталый, есть некий багаж, который можно конвертировать в рассказ-повесть-роман-сагу, коль имеются мозги, мало-мальски литературный дар и, главное, желание. Так мне кажется... И ещё мне постоянно кажется, что у меня не достаёт либо первого, либо второго, либо третьего. Каждый раз разное кажется... То замечаю совершенно очевидно, что мозгами я скорбна – сказать нечего, мысли коротенькие, как у Буратино, никаких новых и интересных идей выдать миру и людям не способна. То вижу, что литературным даром боженька меня явно обделил – намного лучше у меня получается красить стены: в своей кухне во время ремонта и шпаклевать насобачилась просто идеально и крашу лучше любого маляра – ровно, аккуратно, даже красиво.

Но самый кошмар – нередко приходящее понимание, что не очень-то и хочется. Тогда – зачем? Кто бы мне это объяснил...

...Да вернусь я когда-нибудь к истории? Или уже ушла слишком далеко?

«...Одиночество. Лида не понимала людей, которые им тяготятся. Решительно не понимала! Да, это здорово – прийти в компанию, поболтать, повеселиться, провести время с людьми, но потом не менее здорово приехать в свой тихий дом, остаться одной с книгами, с фильмами, с горячим кофе и любимыми ирисками... Это ж кайф непередаваемый! Почему люди боятся этого?»

Семья, муж, дети... Наверное, это прекрасно! Лида всегда верила, что это прекрасно и что в этом можно найти счастье. И тут очень важный момент... Момент счастья нового времени, когда уже можно было выбирать на самом деле самой – выбирать то, что тебе хочется, а не следовать заведённым традициям и невесть кем придуманным правилам. В этом смысле Лида была одна из первых ласточек. Феминистки бы сказали – ласточка побед нашего движе-

ния, чему Лида несказанно удивилась бы. Она просто выросла внутренне свободной и независимой, а потому новые времена как нельзя кстати пришлись её натуре и характеру. Никаких проложенных дорог, одинаковых для всех! Никакой колеи! Диплом ей самой хотелось получить, а вот дальше...

Дальше положен был замуж и дети. Квартирный вопрос и очередь в детский сад. Поиски няни и вопросы летнего отдыха. Нет, не привлекало! Сразу после окончания института ей в наследство от двоюродной бездетной бабушки досталась крохотная однушка в Кузьминках, куда Лида с радостью съехала от родителей, с которыми никогда не была особенно близка. Любили они друг друга, как без того, но почему-то не стали друзьями и близкими людьми. Родители застряли своим сознанием в коммунистических идеалах, очень были расстроены происходящими в стране переменами, как-то сникли, стухли, стали бесконечно смотреть сериалы и дурацкие ток-шоу... Словом, с ними Лиде было неуютно. Старые, не очень умные, скучноватые люди. Как она у них получилась вот такая? Почему? Наверное, потому что они всегда работали и не очень её воспитывали, к счастью, будучи в полной уверенности, что советская школа всё сделает, как надо. Слава бездарной советской школе! Если у ребёнка был ум, то такой ребёнок быстро соображал, что все тётки там – дуры, а сама школа – это такое место, где дети должны научиться притворяться, зубрить и быть послушными. Или хотя бы делать вид.

Делать вид Лида научилась. Всегда была удобной «в употреблении» для взрослых, послушной. Училась хорошо, говорила вслух то, что надо, не буйнила ни в школе, ни дома. Но когда началась свобода, вдруг решила для себя и оповестила близких, что дальше будет жить так, как хочет сама. Ей было не очень приятно осознавать, что для такого решения ей была как бы нужна отмашка наступившего нового времени, но утешала себя тем, что лучше так, чем никак. Поэтому получив диплом, она переехала в теперь уже своё жилище, оставив родителей в недоумении: что она имела в виду под «как хочет сама». Скоро они поняли, что их Лида – это человек-одиночка, которому в сущности не нужен никто, кроме себя самой. А потому внуков им не дожидаться.

Был весёлый двухгодичный «замуж» – просто так, попробовать. Нет, одной оказалось лучше, приятнее, а вдвоём с мужем, когда кончилась дикая юная страсть, оказалось скучновато и даже грустновато. Оказывается, муж был очень увлечён футболом, автомобилями и мог говорить об этом часами. Как это Лида не заметила на этапе жениховства? Впрочем, она тогда замечала лишь смугловатую кожу жениха, его сильные руки и такие зелёные глазищи... Ничего ж больше и не видела, дура, гормонами ослеплённая!

В общем, развелась без страданий (хорошо хоть не успели ребёнка заделать!) и полностью ушла в своё сладостное одиночество. Никакие уговоры мамы-тётушек-подружек не помогали. Лида строила свою жизнь за собственным, очень уютным и красивым заборчиком. Мужчины появлялись и исчезали, никто из них не влезал в её душу и сердце так, чтобы она не мыслила жизни БЕЗ. Свой мирок, состоящий из книг, хорошей музыки, любимых фильмов и спектаклей Лида хранила бережно и строго. А потому близко к себе не подпускала никого – ни мужчин, ни женщин в виде подруг. Приятельницы – не более того. Любовники на время – не больше. В гости, если звали, – ненадолго и недалеко. К себе зазывала крайне редко и то, если оказия какая: либо приятельница рядом в её районе очутилась, либо очень-очень давно не виделись. А ежели уж совсем откровенно, то Лида ни с кем и не виделась бы ещё тысячу лет, но уж совсем становиться затворницей было нельзя, а то можно вообще связь с реальностью потерять. Иногда всё же надо на людей поглядеть вне работы, пощупать-понюхать, как они живут, чем дышат, возможно, лишний раз убедиться, что её выбор лично для неё – самый лучший. Тем ценнее становился её маленький домик, её уютное уединение, её, такой, казалось бы, странный для современной женщины из огромного города, покой.

Но однажды они встретились...»

Какой смысл бросать курить, если... Эти бесконечные разговоры-пугалки о вреде курения. Я каждый раз спрашиваю этих... с выпученными глазами и одинаковыми рассказами о том, как во время воспаления лёгких им показали рентгеновский снимок их дыхательных сокровищ... и с тех пор... да никогда! да ни за что! Так вот, я им задаю простой вопрос: вы собираетесь жить вечно? Они отвечают: нет, но долго.

– Что значит – долго? До глубокой старости?

– Да! – гордо так говорят.

– До выпавших зубов, до деменции, до памперсов, до слепоты с глухотой, маразма и альцгеймера... Вот оно вам нужно, да?

– Если не курить, то шансов долго жить без всего этого намного больше!

– Угу. А ещё если не дышать выхлопными газами, никогда не прикладываться к спиртному, не носить синтетику, не пользоваться бытовой химией... вы это тоже соблюдаете? Нет? Что так? Но даже если вы будете это соблюдать – всё и строго – то после восьмидесяти, я вас уверяю, что-нибудь, а, скорее всего, многое вас всё равно настигнет. Так вот, мне уже пятьдесят, я не собираюсь жить вечно, но даже более того: мне неинтересно доживать до деменции и слепоты. А моих честных вменяемых лет без памперсов осталось не так уж чтобы адски много. А потому... идите в жопу.

Невежливая я бываю, да. Но, право, достали. Нашли для себя причину всех бед – якобы нашли, и заговаривают зубы – ведь не столько мне, сколько себе! Вот не будем мы курить, и жизнь сразу наладится, заиграет всеми красками с мольберта чокнутого абстракциониста, а уж старость нам обеспечена, как с картинки... с американской рекламной картинкой про медицинскую страховку для «золотого возраста».

Я уж не говорю о том, что бояться испортить себе здоровье курением в то время как шансов сдохнуть с голоду или подцепив где-то летучий гепатит А – шансов в нашей стране куда больше. Или завтра война, или завтра в поход... Где война, там нехватка продуктов и лекарств, и тогда уже никто и не вспомнит про «борьбу с курением», за понюх табачка будут душу дьяволу продавать. Я не веду с людьми таких апокалиптических разговоров, но в голове-то эту мысль держу всегда. Поэтому продолжаю курить с чистой совестью. Глупо это всё, глупо: бороться с прыщиком на попе, когда вокруг свирепствует чума.

Вот куда меня опять унесло? Я ж уже дописалась до исторической встречи моих героев. А вот у меня...

У меня были две исторические встречи, встречи моей жизни. Это значит, что я выходила замуж. Оба раза по любви, да. И я любила, и меня любили... Эх, всё-таки без предыстории не обойтись.

Что такое быть нелюбимой дочкой в своей семье? Нелюбимой сестрой? Это значит вырасти в закомплексованную женщину, убеждённую в собственной некачественности, плохости, негодности. Во всём. Ибо с детства вместо «умница-красавица» слышишь рефреном «дура-уродина». В разных вариациях, не всегда так в лоб и именно этими словами, но важна ведь суть, правда? А с сутью ни одного ребёнка не проведёшь: он всегда понимает, с каким чувством говорят ему близкие какие-то знаковые слова: умница, дурак, красотка, уродище... Какие эмоции на самом деле стоят за этими словами – восхищение, гордость, раздражение, презрение – никогда не тайна для детей. И неискреннее восхищение они тоже секут с полоборота, не придавая ему никакого значения. Но если папа с сияющими глазами и улыбкой мультяшных персонажей восклицает, увидев дочку в новом платьишке: «Ох, какая же ты у меня красоточка, мне ж теперь придётся тучи мальчишек от тебя отгонять, где моя большая дубина!» – девочка чуть не взлетает под потолок от переполняющего её счастья. Она начинает повизгивать и подпрыгивать, крепко зажав в кулачках полы юбочки, её личико вспыхивает алым, а над верхней губкой поблёскивают крохотные искорки пота – она так возбуждена! Хотя и не догадывается, что её жизнь, в сущности, уже сделана, определена, как успешная, ведь то

необыкновенное чувство радости, счастья и ощущение себя победительницей, подаренное ей только что отцом, настолько мощное и живучее, это такой мотор-моторище, что теперь уже никогда никаким злобным тёткам или завистливым подружкам не удастся сбить её с настроя: во веки веков она – лучшая.

А если всё наоборот, то из жизни получается драма, а иногда и трагедия: девочка с детства точно знает, что не удалась – ни внешне, ни умом, а близкие люди постоянно это констатируют с таким большим искренним чувством, что абсолютно уже неважно, как обстоят дела на самом деле, что там с умом и внешностью. Жизнь девочкой заранее проиграна: она станет жить, вести себя и проявляться именно как некрасивая дура – и так всю свою изначально горбom скривлённую судьбу. Она будет бояться смотреться в зеркало, потому что оттуда на неё пялится урод. Она станет покупать одежду исключительно для «маскировки»: огромные балахоны, шали, пончо – лишь бы закутаться в них, замотаться, чтобы никто не видел её так называемой фигуры. Она научится накручивать на голову платки и косынки в духе лихой комсомолки 20-х, чтобы спрятать «неудачные, жиденькие, сечёные волосики» – эти слова маминым голосом всегда кричат дурниной в её голове, когда она причёсывается.

Однажды... мне было лет 12... старший брат страшно опозорил меня перед гостями. Дело в том, что у меня тогда уже всюю началось это чёртово, клятое, ненавистное половое созревание, я рванула в рост, на лбу выросли прыщи, я всё время потела... В тот день к родителям должно было прийти много гостей, маменька развернула мощную готовку – пироги, жаркое, огромная кастрюля картошки пыхла на газовой плите... Было жарко, душно. Я должна была помогать накрывать на стол и металась из кухни в комнату, туда-сюда, бесконечно и скоренько – из кухонного смрада в комнату, где ненамного легче дышалось. А дым, похожий на утренний туман прохладного летнего утра, заволок всю квартиру. В общем, я тогда здорово взмокла. А когда пришли гости, и все рассаживались за стол, мой старший братец, оказавшись рядом со мной (кстати, он участия в подготовке стола никакого не принимал, а всё время просидел в своей комнате за книжкой), громко сообщил всем:

– Фуууу, вонючка! Хоть бы помылась! Нее, я рядом с ней не сяду, – и заржал. Почему-то гости тоже заржали... и мама с папой заржали... Мне больше всего на свете хотелось в ту минуту умереть. Я даже не очень помню, как пережила тот момент, всё было словно в тумане. То есть, туман-то был на самом деле реален – кухонный, смрадный, но к нему прибавился ещё один – в моей голове: гадкий, тошнучий, воняющей мною, моим смрадом... В ушах шумело, смех вокруг отдавался эхом в черепушке и будто мячик ударялся о его кости, прыгая туда-сюда, туда-сюда... Было больно.

Я убежала из-за стола. В ванную комнату. Встала под душ. Прямо в одежде... Мне стучали в дверь, барабанили даже, что-то кричали. Я не слышала ничего, я стояла под душем, мне казалось, что я продолжаю вонять и воняю всё сильнее. То ли козлом, то ли секретцией, то ли ещё чем-то отвратительным... Как потом выяснилось, под душем я стояла ровно сорок восемь минут, пока отец не взломал замок... Ну, потом меня, конечно, наказали.

С тех пор у меня появился, как сказали бы врачи-психиатры, вполне себе синдром: я принимала душ по несколько раз в день, как только хоть чуточку учуивала от себя запах. Любой запах, запах себя самой. Я ненавидела это так, что если только одна молекула запаха попадала в поле моего обоняния, я готова была рычать и бить себя, рвать на себе волосы, царапать лицо и вообще хотела тут же убиться каким-нибудь наиболее зверским образом. Бывали страшные мгновения... поэтому я приняла решение максимально их профилактировать. Покупка дезодорантов и всяких туалетных вод стало ещё одной моей идеей фикс.

«Как от тебя всегда здорово пахнет!» – восхищались и удивлялись все вокруг уже в скором времени. И до сих пор... Ведь с некоторых пор я ж перешла на самые дорогие парфюмы и дезодоранты со всякими тонкими и изысканными ароматами. Экспериментировала, смещи-

вая то и это. Кстати, потому «Парфюмера» Зюскинда читала с глубочайшим личным интересом.

В результате, почти как герой культового романа (хе-хе!), тоже научилась делать интересные смеси-сочетания того, другого, третьего. Узнала, к примеру, с какими дезодорантами сочетание Шанели даёт просто непревзойдённый эффект привлечения внимания и невозможности отойти от меня: запах получается такой вкусный, что люди неосознанно торчат, как пеньки, рядом со мной, не отходят и вдыхают. Ужасно забавно.

Опыт, колоссальнейший опыт! С запахом своей природы, даже не с амбре человеческих нормальных выделений, а просто с естественным ароматом своего тела, я с двенадцати лет боролась нещадно и, кажется, победила его, убила, если такое в принципе возможно. Я сама не помню, как пахну и пахну ли вообще... Моё тело всегда не просто сбрызнуто всякими спреями, но ещё и умащено маслами и благовониями. Ни один мужчина так и не смог «пробиться» сквозь это всё до моей природы, до, как выразился один поэтически настроенный господин, моего «сока». Интересно то, что поначалу им всем очень нравилось, какая я вся из себя конфетно-парфюмерная, а потом почему-то страшно хотелось естества. Загадочная мужская натура! Но этого я им дать не могла. Никак не могла. И объяснить, почему, тоже не могла...

Наверное, естественен вопрос: а как я отношусь к чужим запахам, к тому, что другие люди источают всякое и далеко не всегда приятное? Нормально отношусь, спокойно. Я только себя в этом смысле категорически не переносю.

Кстати, ещё кое-что... Лет до сорока я не выпускала изо рта жвачку. Потому что боялась... да нет, не боялась, а была уверена, что у меня изо рта несёт дерьмом. Почему? Не знаю. Это со мной случилось тогда же, в тот же момент жизни, когда к нам пришли грёбанные гости... У меня всегда повсюду были адские запасы жвачки: в ящиках стола, в портфеле, в сумочке, даже в карманах. Дожевав пластинку до состояния клёклой безвкусной субстанции, я тут же закидывала себе в пасть следующую... Когда ситуация была невозможной, неприличной для жевания (уроки, лекции, театр, светская беседа и прочее), я скатывала жвачку в шарик и медленно и аккуратно перекачивала его между щёк. Иногда чуть-чуть посасывала... В общем, стала асом в профилактике неприятного запаха изо рта. Даже не знаю до сих пор, бывал ли он у меня без причины, или то была совершенно откровенная фобия. Примерно лет в тридцать пять мне это безумно надоело и внезапно, в одночасье я выплюнула гадость изо рта и из своей жизни, распотрошив и выбросив все запасы в мусоропровод. Меня вдруг затошнило от вкуса и запаха этой проклятой резины, и я поняла, что всё, пусть будет, что будет: завоняю – ну, и пошли все вон.

А ничего не случилось. Оказывается, я вовсе не была огнедышащим драконом, никто ничего не заметил. Несмотря на то, что я как курила лет с двадцати, так и продолжала. Тогдашний мой мужчина не заметил ничего... По крайней мере, расстались мы вовсе не по этой причине и намного позже. И спровоцировала и устроила наше расставание я, а не он. Но я опережаю события в повествовании... (зачем, зачем я всё это пишу? Мне ж нужно про Лиду...)

«Аркадий Семёнович в свои пятьдесят пять лет был уже десять годков как свободен, то есть, разведён. Его бывшая, о которой он никогда ни с кем не говорил, которую не обсуждал и которая вообще была фигурой умолчания для всех его коллег и приятелей, беззаботно жила все эти годы на то, что давал Аркадий: он поднял их детей – сына и дочь, обоим дал прекрасное образование – в Лондоне, и предоставил возможность их матери, не работая, вести ту жизнь, к которой она привыкла в браке. Что там у них случилось когда-то – бог весть. Мужчина был в этом смысле кремь: никому и ничего, ни полслова. На него за это злились часто, обижались, но и уважали: редкий случай в наши дни – мужик не сплетник и не болтун. Не вываливает свои обидки и недовольство «этой стервой», а уж для детей делает вообще всё возможное. Хотя, кто знает, кто там был виноват? Может, он, Семёнович, натворил таких дел, что теперь придётся до конца жизни зализывать? Может, его жена – жертва, а он – чудовище? Когда ему

как бы в шутку намекали на то, о чём могут подумать из-за его упорного молчания, он лишь усмехался и пожимал плечами, что означало явное «да думайте, что хотите, мне плевать».

Он мог себе позволить плевать на всё, что угодно. Он был Мозгом. Инженером божьей милостью. Его талант ценили при совке, а когда началась свистопляска, те лихие ребята, что сражались за всякие заводи-предприятия и хотели всё-таки заниматься производством, а не только «купипродаем», крепко держались за Аркадия: в своём деле он был асом из асов. А потому никогда не нуждался в деньгах: его разрывали в разные стороны, переманивая вкусностями и богатствами, лишь бы пришёл работать. Один его мозг заменял целый отдел с десятком инженеров. Плюс руки, которые тоже росли, такое ощущение, что прямо из мозга и могли вполне заменить точнейшего японского робота-манипулятора. Тогдашние ребята в малиновых пиджаках ни умели жить без кликух, поэтому к Семёновичу приклеилось «Аркаша-мозг».

Он стал очень даже состоятелен уже в самом начале 90-х и существовал спокойно всё то бешеное десятилетие: при любом раскладе, при любой гибели предприятия, его тут же подхватывало другое, спешно предлагая такие условия, чтобы уже никто не мог перехватить Аркашу-Мозга. Конечно, он был никакой не Левша, а большой талант с прекрасным, самым лучшим советским образованием. Словом, в новые времена Аркадий стал очень даже небедным человеком. Тем, кто мог позволить себе многое, очень многое, но предпочитал продолжать жить спокойно и без излишеств, а деньги в виде конвертируемой валюты, складывать в банки, ценные бумаги и куда там ещё их пристраивают умные и небедные? Нет, не Плюшкин! Машина – БМВ, квартира – в тихом центре, дети, как уже говорилось, обучались в Лондоне. Но в то же время никаких идиотских трат на яхты, на модельных баб и золотые унитазы. Аркадий насмешливо наблюдал в 90-е за всем этим безумством вчерашних нищих и ментальных холопов. Надо сказать, что эти люди его не любили – они грамотно умели считывать «не те» взгляды, и других каких «очкомордых» могли за такое же пристрелить. Но не Аркашу-Мозга. Он им был нужен. Хотя за спиной у него они отрывались и говорили всякое грязное, что только могло прийти в их с детства набитые дерьмом и пакостью головы.

Аркадий Семёнович – ангел? Полноте! Он был непостоянен в отношениях с женщинами, они ему быстро надоедали. И главной приметой того, что он намерен вот прям сейчас закончить роман, всегда была покупка для дамы круиза по Средиземному морю. Всякий раз Аркадий рассчитывал, что там у дамы завяжется что-нибудь новенькое. Иногда так и случалось. Когда номер не проходил, и дама возвращалась к Аркадию ещё и переполненная благодарностью за чудесно проведённое время, он становился жёстким и довольно резко сообщал про изменение своих планов. А к женским слезам и воплям был довольно равнодушен. Женщины уходили обиженными. Нехорошо... Ему было плевать.

Аркадий презирал благотворительность, видел в ней что-то жульническое, шулерское, унижительное. Когда уж сильно припекала «общественность» и на него смотрели десятки пар глаз, приходилось доставать бумажник и «отстёгивать». Мысленно он матерился, а кое-что даже отражалось на его лице, в его мимике и уж точно во взгляде умных серых глаз. В общем, чувства, бушевавшие мужчине, окружающими считывались верно. Его считали жадным и сухарём. Нехорошо...

У Аркадия были приятели, но не было близких друзей. Всем было очевидно, что Мозг и не стремится их иметь. Да и люди тоже не шибко мечтали войти в его «близкий круг» – побаивались его скрытности, желчности, сухости. Да и что там был за близкий круг, никто и не знал.

А близкий круг Мозга состоял всего из двух его старых друзей – одного со школьной скамьи, другого институтского. И никого больше Аркадию не было нужно. С ними он встречался иногда у кого-то из них дома, порой в кафе или ресторане. Иногда вместе ходили на выставки – все трое увлекались живописью, изредка в театры. И им было о чём поговорить. Чисто по-русски – побазлать о политике всласть, повспоминать прочитанные великие книги. Современ-

ность не дарила ничего великого, в том числе в литературе, оставалось только вспоминать, перечитывать, восхищаться умом, прозорливостью и талантами авторов прошлого. Не такого уж и далёкого, но всё же ушедшего уже безвозвратно.

А всё остальное время занимала работа, любимая, тяжёлая, трудная, но и прекрасная работа. Иногда дети... Но выросшие дети – это оказалась не такая уж радость, скорее, боль. Всё-таки расстаться с ними и оставить матери – чаще всего это конец тёплым и близким отношениям, когда их мать... и вот тут – стоп! Аркадий никогда не позволял себе ни с кем обсуждать тему матери его детей, какой бы она ни была. Ну, вот так случилось! Не ему пришлось воспитывать их, формировать их характер и отношение к жизни, к людям. Всё сделала она. Она виновата? Да ни за что! Ведь он мог остаться, никуда не уходить, никто его не выгонял. Мог... но не мог. Не мог он поступить по-другому, слишком сильно было задето его самолюбие, его доверие, его трепетное отношение к семье, к родным. Смириться и продолжать жить, будто ничего не случилось? Нет, увольте. Не для его природы такие компромиссы.

В каком-то смысле он был человеком прошлого... Да нет, ерунда: можно подумать, что в некоем буколическом прошлом все были удивительно верные, порядочные, семейные, а вот новое время – бах! – и испортило нравы. Чушь. Всегда существовали люди порядочные и морально грязные. Другое дело, что в какое время в чести и в моде. А мода диктует нравы и поведение, отнюдь не только длину юбок и фасон пиджаков. И есть те, кто неподвластен «духу времени» – именно в морали, в нравственных устоях и отношении к жизни. Для таких людей не существует понятия «сегодняшняя мораль» или «современные нравы». Для них белое всегда белое, а чёрное не меняет своего цвета в зависимости от технического прогресса или количества потребляемой в единицу времени информации. Вписаться в жизнь они вполне способны, тем более, когда есть талант и востребованность их профессионализма, но, даже вписавшись, они существуют в обществе чуточку отсвечивая своим беловороньим оттенком, иногда многих этим раздражая и даже выводя из себя. Но им плевать – именно потому, что они могут позволить себе жить по своему разумению, не обращая внимания на обычных серо-чёрных ворон, живущих в струе современности, чутко следуя направлению ветра моды во всём: в одежде, в интересах, в привычках, в отношениях. Нужно любить японскую кухню, значит, они осваивают палочки и обедают в японских ресторанах. Модно иметь красивую и молодую секретаршу, с которой просто необходимо периодически трахаться, значит, даже мучаясь слабой потенцией и не особо любя сексуальные приключения, они запасаются виагрой и изо всех сил строят из себя мачо, как в американских фильмах про их, американскую, жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.